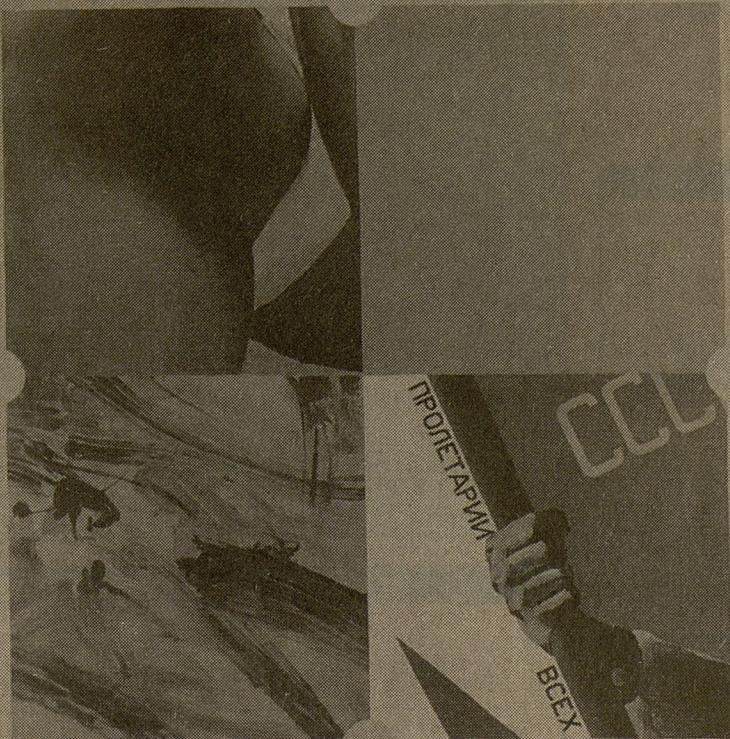

AVANGARD

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Иван Чуйков. Незаванное № 3

Выставка Ивана Чуйкова. Третьяковская на Крымском валу.

Выставка Андрея Гросицкого. Зал РФК

Вс. клуб. - 1998. - 1 октября. - с.б.

С разницей в один день открылись в Москве две персональные выставки — Ивана Чуйкова в Третьяковской галерее на Крымском валу и Андрея Гросицкого в зале Российского Фонда культуры на Старой Басманной, 15а. Давно не было в столице подобного совпадения пары экспозиций, по которым можно не только представить себе всю динамику художественного процесса в русском авангардном — впередиидущем — искусстве последних трех десятилетий, но и постичь сложную природу этого процесса в тех ключевых его точках, когда единство потока искусства нарушалось, а направления, казалось, росшие из одного корня, мыслившие схожим образом, бесповоротно разъединялись. И так вплоть до полного расхождения судеб творцов: одни оказывались востребованы Западом, да так, что в каталогах тамошних аукционов несложно встретить подпись, оценивающую в 20—40 тысяч долларов очередную программную работу автора; уделом же других оставалось прежнее: фактическое подполье при номинальном отсутствии такового на карте российской художественной жизни.

Но это процесс. А не личности — Чуйков и Гросицкий. Ибо творческая работа не переставала кипеть в мастерских, независимо от каких-либо внешних факторов. Именно творческая, не подразу-

мевающая конъюнктуры, от которой так трудно уберечься при подобных «крайностях» жизни. И именно сегодня в двух залах Москвы — результат. Нет, не так жестко — образ пройденного отрезка пути. Корень един. Пути различны. Отсюда — предельно разнятся и сами эти образы, и пластические системы, и даже залы для экспозиций — официальный центр отечественного искусства — Третьяковская и экспериментальный зал на Басманной, где независимая программа «Музей» работает с маргинальными, «окраинными» то есть, подзабытыми подлинными художниками.

Чуйков и Гросицкий — никакие не классики. Классики застопорились на найденном однажды и никуда никогда не сдвинутся. На классиков в музеях вешают таблички, они определены и незыблемы. Здесь иное: действие, помноженное на талант, сочетание творца с исследователем доселе неведомых художественных пространств. Сфера исследований для них обоих остается единой, схожими — проблемы: иллюзии и фикции в картине, пространства зрителя и художника по обе стороны полотна. Сам мир един, но «интерпретации его различны» (Чуйков). Чуйков знает мир цельным, но видит его во «Фрагментах», в несоединимых частях разбитого зеркала — разрозненных эпох, растерявшихся компромисс-

ных сознаний. Гросицкий видит фрагменты мира, но каждый из них означает нерушимую целостность мироздания, и это про него сказано: «совершить невозможное — передать весь мир, изобразив кусок ржавой трубы». Чуйков создает серии работ, не прерывающиеся десятилетиями, как плюральные, различные точки зрения на мир. Гросицкий всю творческую жизнь продолжает изображать, как один процесс, одну систему — вещи, измененные взглядом человека, что раньше называлось жанром «натюрморта» (я перевожу на русский как «мирвымер»), а под его кистью стало более живым, чем сами реальные предметы.

Чуйков и Гросицкий — это две плюсовые системы, столкнувшиеся сейчас, на рубеже тысячелетий, в неприкрытом противостоянии: одна — уступка современному расколотоу сознанию, привязка к эпохе постмодернизма, склонного не замечать цельности мира; другая — идущая от пафоса преображения этого мира искусством, ощущения его высшей, запредельной ценности, его метафизичности, божественности, неделимости, единства. Такова философия их работ — но сами работы безраздельно принадлежат к единой для всех вселенной Фантазии, к ирреальному миру «Живого Письма», прозываемого для краткости живописью.

Сергей ПОПОВ

2m